

РОМАН ЛОШМАНОВ

ОЧЕНЬ

Роман Лошманов
очень

«Издательские решения»

Лошманов Р.

очень / Р. Лошманов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850737-3

Краткая книга отзывов об изменчивом меняющемся мире. Избранные ранние тексты, опубликованные в жж vpechatlenja.livejournal.com.

ISBN 978-5-44-850737-3

© Лошманов Р.
© Издательские решения

Содержание

деление клетки	6
помёт	7
кропоткинская	8
дерево	9
красота	10
выносят	11
мечеть	12
привет	13
яблоко, клубника	14
т. н.	15
в.	16
совесть	17
листопад	18
костыль	19
клён	20
всё время	21
мука	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

очень

Роман Лошманов

© Роман Лошманов, 2017

ISBN 978-5-4485-0737-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

деление клетки

Перед входом на станцию метро «Сокольники» молодой человек наклонился к чистой старушке, которая предлагала лакированную туфлю. «Это очень хорошие туфли», – говорила она тихо, но гордо. Туфля была коричневой, на большом широком каблуке. Аккуратное, с аккуратными очками, лицо молодого человека было растерянным; мне показалось, что он не знает, что ему предпринять. В вестибюле его ожидала, водя ногой по полу, девушка в панаме. А девушка с красной сумкой в белый горошек села на сиденье и раскрыла тетрадь с конспектами. «Деление клетки, – прочитала она. – Все живые организмы имеют ограниченный срок жизни».

помёт

На пороге магазина «Чай. Кофе» на Волгоградском проспекте, справа от двери, было много белого птичьего помёта. Я подумал, что помёт не может появиться просто так, и поднял голову. Надо мной из бетонной дыры тянулись два воробьиных птенца. Они раскрыли жёлтые клювы и по очереди чирикали. Я стоял и смотрел на них, нагреваемый зноем. В магазине было прохладно. С кресла поднялся мужчина и спросил, что мне предложить.

кропоткинская

У турникетов станции метро «Кропоткинская» возник конфликт. Служащая метрополитена отказывалась пропустить внутрь без оплаты проезда престарелую странницу, увешанную разнообразными котомками. Нищая поносила женщину в форменной кепи интересными словами, та отвечала ей громче, между их животами двигалось красное металлическое ограждение. Старуха сунулась было в турникет, служащая проводила её с гордыми за технику интонациями: горел красный свет, и устройство сработало, преградив путь. Станница метнулась ко мне. Она поглядела на меня одноглазым лицом, прося пропустить; из её подбородка росли волосы.

– Вот пусть вас молодой человек пустит, и вшей от неё! – предупредила контролёр.

– Матерь божья Казанская, царица небесная, убери её отсюда! – просила старуха, проходя внутрь.

– Вы с ней рядом садитесь, молодой человек! – пожелала контролёр.

– Выдра ненасытная; гюрза; мать божья, дай ей проказу; мать божья, царица небесная, дай ей проказу; ненавистная, – распространялась нищая, спускаясь по ступеням.

На платформе женщина с забинтованной ногой делала первый шаг.

– Да как же я пойду, – говорила она окружившим её милиционерам, мужчине в штатском и сотруднице скорой помощи.

дерево

В нашей округе ведутся строительства и прокладываются коммуникации: роют траншеи, ломают тротуары, вырубают деревья и зелёные насаждения. На проводе, соединяющем один дом с другим домом, повис обрубок ветви. Наверное, провод висит на этом месте долго, может быть, более двадцати лет, так что древесина обхватила его собой. Рабочие не смогли разъединить искусственное и естественное, они обрубили ветвь с двух сторон, уничтожив дерево, из которого она росла. Деревя больше нет, дерево было пространством, которое изменилось: место дерева занял подвижный воздух. Можно сказать и так: раньше пространство было здесь плотным и непроницаемым для людей и животных, а теперь оно разрешилось. Можно сказать и по-другому, всё равно деревья больше нет.

красота

Перемещаясь на трамвае к метро малоснежной зимой, я часто разглядывал голые деревья, заслоняющие голые дома, и думал о том, что, если присмотреться, эти дома и деревья по-своему красивы, и в них есть серьёзный смысл. Однажды ночью выпал снег, и утро было с синим небом, а всё было белым и объёмным – и земля, и стоящие на обочинах и во дворах автомобили, и различные виды кустарников, и полные висящих семян ясени, и коротко стриженные тополя, и берёзы, прижимавшиеся к стенам домов так, что было видно, насколько они переросли эти здания. Мне очень понравилось разглядывать и ощущать эту красоту, которая являлась просто красотой, без пояснений и условий. Белым-бело.

ВЫНОСЯТ

Большинство городских автобусных маршрутов в городе Арзамасе, в котором я родился и вырос, проходит через Соборную площадь. Когда автобус выезжает на неё в тёплое время года, многие пассажиры смотрят направо, на вход в летний собор, а в холодное время года – налево, на ступени стоящей напротив зимней церкви. Дело в том, что у дверей храмов ставят крышки гробов отпеваемых внутри людей. Пассажиры пытаются рассмотреть фотографии, прикреплённые к крышкам, и вздыхают, когда крышек, украшенных крестами из лент, очень много или когда они небольшого размера.

В декабре мы покупали на площади цветы для кладбища. Мы держали гвоздики и ждали отца, который должен был подойти. Престарелая женщина, шедшая на кривых ногах со стороны собора, сказала нам: «Идите! Счас выносят!» Мы сделали вид, что не обратили на неё внимания. Она подошла к нам, заглянула в глаза с соболезованием и повторила: «Идите! Счас уж выносят!»

В Арзамасе всем до всех есть дело.

мечеть

Когда я бываю на Московской ярмарке увлечений, то иногда захожу в филателистический павильон. Там стоят две коробки с открытками советских времён: наборы с репродукциями произведений художников, фотографии самолётов «Аэрофлота», а также виды столиц союзных республик, областных и курортных городов и местностей, которые мне нравится рассматривать и покупать. Однажды я нашёл там цветную открытку с феодосийской дачей Стамболи. На обратной стороне открытка была чистой и незаполненной, только под словом «Кому» фиолетовыми чернилами было написано: «Мариночка, помнишь эту мечеть?» Чуть ниже, возле слова «Куда», детский почерк отвечал карандашом: «Помню, папочка». На другой открытке тот же мужчина писал Мариночке, что скоро с нею увидится. Я не смог купить ни ту, ни другую открытку. Чужая память иногда бывает такой тяжёлой.

привет

Трамвай повернул у Богородского храма налево, к Преображенской площади. «Боженька, привет!» – сказал ребёнок постарше. «Боженька, привет!» – сказал ребёнок помладше потише, подражая голосу старшего. Многие пассажиры при приближении трамвая к этому храму крестятся, а некоторые даже делают сидя небольшие поклоны.

яблоко, клубника

В овощном отделе магазина «Александр и партнёры» мужчина приобретал яблоко, уже купив клубнику: в прозрачном пакетике лежало три или четыре штуки. «Четырнадцать шестьдесят», – сказала продавщица. «Тогда нет, – отказался мужчина. – Мне уже не хватает». «Ну ведь необязательно же по шестьдесят пять брать, можно и по сорок восемь», – остановила его продавщица. Он согласился, и она взвесила вместо большого розового яблока небольшое красное, говоря: «С шиком хочет закусить. Семь пятьдесят». Покупатель осторожно положил яблоко к клубнике. Я встретил его позже у подъезда, в котором мы живём. Их было шестеро, они пили водку на скамейке и вокруг неё. Один, наклонив ко рту пластиковый стакан, держал клубнику за черенок ягодой вверх.

Т. Н.

Грузная женщина Т. Н. работает в аптеке и верит в инопланетян: мечтает о том, чтобы к ней прилетела летающая тарелка и инопланетяне взяли её покататься. Т. Н. сказали: «Да она тебя не поднимет!» – но она мечтает. Она не надевает перчаток и чулок, пока в календаре не наступит ноябрь, объясняя: «У меня как будто моторчик жужжит в ладонях и пятках». С мужем, с которым родила двух дочерей, Т. Н. целуется как птичка: плотно сжав губы и выставив самые кончики. Недавно она оставила в автобусе сумку с документами, деньгами и ключами. Обнаружив пропажу, выскочила на проезжую часть, выставив руки в стороны, и останавливала машины для погони. Машины проезжали мимо, Т. Н. добежала до конечной остановки, сумку не нашла и пришла в аптеку сама не своя. Она обхватила дверной косяк двумя руками, осела на пол и стала печалиться, восклицая: «Какое горе! Какое горе!» У Т. Н. было трудное детство: её мать умерла, когда Т. Н. была грудным ребёнком; во время похорон Т. Н. потеряли на печке, закидав одеждой, но она выжила.

В.

Рассказывают про В., что он обучается вычислительной математике и кибернетике. Рассказывают, что В. рассказывает про себя, будто он до четырнадцати лет не умел говорить, потому что очень сильно заикался. Девушке, с которой встречался, он сделал однажды на телефоне переадресацию на номер морга. Родные девушки были напуганы, когда тщетно пытались до неё дозвониться: далёкий старушечий голос интересовался, не с покойником ли они хотят поговорить. С родителями девушки и её старшей сестрой В. встретился на даче; семья собралась играть в преферанс, но он вежливо отказался. Позднее его девушка передала родителям и старшей сестре, как В. сослался на то, что он превосходный игрок и играет в крупнейших казино мира. Через некоторое время он снова побывал на даче и всё-таки сел играть, окружённый пиететом; оказалось, что он путается в мастях.

В. часто спрашивал совета у старшей сестры своей девушки. Так, он рассказал ей историю про своего друга, воспитывавшегося в детском доме, и его подругу, с которой друг решил не жить до свадьбы половой жизнью. Как-то раз, рассказывал В., его друг пригласил к себе в гости пять-шесть своих друзей и вышел покурить; вернувшись, он обнаружил, что пять-шесть его друзей бесчестят его подругу, а та принимает в этом деятельное участие. В. спрашивал, как поступить его другу и где его другу найти чистую девушку, которая не обманет его надежд. В другой же раз В. уточнял, откуда берутся дети: он сказал, что примерно представляет себе процесс зачатия, но не уверен насчёт появления на свет, подозревая пупок.

О своей матери В. рассказывал, что та ушла в секту. Позже выяснилось, с его слов, что в секту ушла вовсе не его мать, а женщина, похожая на неё как две капли воды.

СОВЕСТЬ

Мальчик позади меня напомнил матери, что он подарил ей подарок на Восьмое марта. «Ну тебе же тоже подарки дарили, – начала ласково отвечать мать. – Ты меня теперь до пенсии будешь попрекать, что ты мне подарок на Восьмое марта подарил? – шутливо заметила она. – Ты же тоже подарки получаешь. На день рожденья. На Новый год. Что молчишь? – спросила она, потому что мальчик молчал. – Я же с тобой разговариваю. С тобой разговаривают! – продолжала она, применяя паузы. – Слышишь? Отвечай! Один раз поздравил – и теперь всё. Совесть надо иметь помимо наглости, – говорила она, повышая, понижая и снова повышая тон. – Попрекать! Я тебе ноги выдрю! Говнюк!» Я обернулся и увидел, что она была молодой и крашеной в тёмно-рыжий цвет. Сбоку шёл маленький мальчик.

листопад

На улице Матросская тишина, над поворотом трамвайных путей, заставленных автомобилями, висит табличка «Листопад». Она жёлтая, и хотя никакого листопада ещё нет, отчего-то кажется, что уже есть. Рядом находится психиатрическая лечебница имени Гиляровского. Грустный, печальный уголок!

КОСТЫЛЬ

Мы переходили через дорогу, и я увидел костыль. Это специальный большой гвоздь, которым скрепляют рельсы со шпалами. Он был красивым, наполовину покрашенным зелёной краской, и лежал на канализационной решётке. Мне стало жалко этот предмет. Я подобрал его, положил в чёрный пакет и в рюкзак, принёс его домой, где вымыл водой. Теперь он, тяжёлый, лежит у меня в шкафу. Я не знаю, что мне с ним делать: ведь у меня нет ни рельсов, ни шпал. Трамвая у меня тоже нет.

клён

Ветер обрывает листья с небольшого гибкого клёна. Они спускаются на непривычную зелёную траву. Жёлтые листья лежат там, где упали, на зелёной густой траве. Травы много, а листьев не очень. Вчера было так же, но листьев было больше на клёне, а теперь на траве. Они лежат, когда я их вижу, и продолжают лежать, когда их заслоняет дом, возле которого стоит, разгружается машина: «Чай Curtis». Навстречу желаниям». «Вы уже решили, что вы всё продумали», – говорит по телефону курящая у подъезда женщина. Она вышла покурить у подъезда, она наклонила насмешливо голову с телефоном. Было время, что листья были жёлтыми, а их не видели. Не замечали их, не посвящали им ни пословиц, ни поговорок. Женщина сталкивает ногтем пепел с сигареты.

всё время

«Не знаю, не знаю, плакать хочется всё время, переживаю, сердце сжимается, не знаю, не знаю», — медленно идёт и плача говорит в телефон девушка с волосами, убранными назад и подколотыми так, что наверху хвостик: петушок или курочка? Ее светлая куртка с тёмными животными пятнами удаляется, приближаются лущующие друг друга на дороге извозчики лет пятидесяти. Первый нерусский и худой, второй русский и с животом, первый ловче, второй мощнее, первый с волосами, второй без, первый устоял, а второй падает, переполненный движениями. Перед ними тормозят машины: «Э! Хорош!»

мука

На дороге у перекрёстка рассыпали белое мелкое вещество. На дороге образовалось белое пространство. Автомобили едут по нему и поднимают в ясный воздух белую пыль. Трамваи качаются в белой дымке. У трамвайной остановки, расположенной у станции метро, работают три дворницы в орнажевых одеждах. Одна, работающая в отдалении от двух других, спрашивает у двух других: «Что это?» Отвечают две другие: «Просыпали. Мука што ль». – «Мука што ль». – «Мука што ль».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.